

к 90-летию
В. Катаева

Подсчитываю, вспоминаю — сколько лет я был в добром знакомстве с Валентином Петровичем Катаевым? Примерно с 1936-го года, а умер он в 1986-м. Значит, столетия, полвека. Что и говорить, немалый срок!

В те времена, когда мы познакомились, как мне теперь кажется, не существовало антагонизма между писателями разного возраста, разных поколений. Правда, литературные критики встретили нашу новую генерацию отнюдь не дружелюбно: каких только унижающих эпитетов не навешивал на нас узкий актив журнальчика «Литературное обозрение»!

Как раз после выхода очередной разгромной статьи о моей первой книжке довелось мне впервые разговаривать с Катаевым. Он был ироничен, язвитель, весел, в отличие от меня, уныло повесившего нос, хотя критик называл меня «телячьим оптимистом». И первый разговор наш возник вокруг неприятной статьи.

Интервью
для многотиражки

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

— Я поздравляю вас, молодой человек! Великая актриса Сара Бернар нанимала не кларков, зачинщиков аплодисментов, а, наоборот, она оплачивала, как теперь бы сказали, бригаду свистунов: на самых высоких взлетах ее таланта, после самых драматических монологов театральная сволочь поднимала подлый свист. Зал немедленно возбуждался, требовал изгнания безобразников, обрушивался на их свист лавиной аплодисментов. Вот как надо организовывать успех! Я вам советую посылать ругателям после каждого их выступления роскошные букеты цветов. Захваленных поэтиков читатели не любят, просто не замечают их. А вы на верном пути к популярности, а может быть, даже к настоящей известности, и ругатели — самые лучшие помощники вашего тщеславия.

Катаев был старше меня и моих сверстников на два десятилетия, а значит, пришел в наш новый мир из старой России, с полем первой мировой и гражданской войны. То, что было для нас началом, являлось для него продолжением. Но, как и другие лучшие писатели эпохи первых пятилеток, Катаев жаждал понять и отразить их небывалый текущий день. Катаев казался, что, сближаясь с литературной молодежью, он проникает в духовный мир наших ровесников — строителей нового мира.

Катаев общался с нами молодо, но не подделываясь и не подстраиваясь. Он обожал шутку, каламбур, розыгрыш, высоко ценил острое слово. Я довольно быстро разгадал суть катаевской игры в слово и словами: творческий мотор работал на малых оборотах, только чтоб не остановиться, взаимоотношения со словом как материал литературы не прерывались и в отдалении от письменного стола.

Постоянным соперником Катаева в словесных турнирах был его товарищ еще одесской поры — Юрий Карлович Олеша. (Между прочим, это он позначил меня с Валентином Петровичем). Они щедро осыпали друг друга каламбурами, шутками, эпиграммами, буквально изошрялись в парадоксах. Катаев любил признаваться, что Олеша вышел из перепалки победителем, восхищался остротой его зрения. Если рассматривать эту деятельность как подготовительные маневры для литературы, то результаты для Катаева и Олешы оказывались противоположными: Катаев собирал, заготавливал «полуфабрикаты», Олеша — тратил и проматывал и сыпал в забвение свои богатства. Десять томов Катаева и однотомник Олеша — красноречивые свидетельства.

В те же довоенные времена я познакомился и подружился с родным братом Валентина Петровича — Евгением Петровым. В литературе вообще и в мемуарах в частности братья редко фигурируют рядом. Хотя не так часто бывает, чтобы писатели-братья, каждый в отдельности, оставили такой славный след в литературе. Не оскорблю их память, если засвидетельствую, что вопреки одноплановости их занятий и даже родственности жанров, в которых оба преуспели, большой дружбы между ними я не чувствовал. Родственность черт Катаевых, Валентина и Евгения, не сближала их. Природа соблазна симметрию в их внешнем облике и

одарила обоих литературным талантом. Может быть, этого достаточно?

Известно, что Катаев, на правах старшего, щедро делился с Ильфом и Петровым литературными замыслами, дарил им сюжеты. Но, грешным делом, и чуток ревновал младшего брата к его блистательным успехам.

Однако в первую послевоенную пору, ежегодно проводя летний месяц в тесном соседстве — в доме творчества Коктебеля, мы с Катаевым не раз, сидя на берегу залива, говорили о его покойном брате. Валентин Петрович просил, чтобы я вспомнил все подробности нашего с Петровым совместного пребывания на финском фронте в 1940 году, наших встреч в последнем предвоенном году. На мое горе, я видел своими глазами авиакатастрофу, жертвой которой стал Евгений Петрович.

Летом 1942 года, сорвавшись с рубежа реки Оскол, мы отступали, откатывались к Дону и Волге. Попутная полуторка катилась в колонне машин. Терриконы, шахты, меловые горы, наконец, карты свидетельствовали — пересекаем Донбасс.

Мы двигались в туче дорожной пыли, воспаленными глазами следили за небом — вдруг появится «мессершмитт» или «рама»? Но в небе показался низко летящий транспортный самолет «дуглас», наш, свой. В какой-то момент он беспомощно качнулся и в мгновение врезался в меловую гору. Не загорелся, но поднял белое облако, похожее на пар.

Мы свернули с дороги, прямо по степи помчались к месту катастрофы — до него было, вероятно, несколько километров.

Туда же мчались уже другие машины. Разбились лишь летчики и те, кто сидел впереди. Некоторые пассажиры «дугласа» были ранены, их перевязывали врачи и сестры, подоспевшие на санитарной «летучке».

Если бы я не потерял способность удивляться, мне показалось бы невероятным, что один из раненых — писатель Аркадий Первенцев, человек, что называется, из нашей компании. Первенцев был в сознании, только не мог встать, он рассказал, что они летят из осажденного Севастополя и в передней части самолета находится Женя Петров — не случилась ли с ним беда?

Беда случилась. Неправильная. Евгений Петров похоронен на месте катастрофы.

Катаев сосредоточенно слушал мой рассказ, долго молчал, только спросил: — А у вас младший брат есть?

Я ответил, что есть старший.

— Все равно, вы меня поймете. Впрочем, теперь уже ничего не изменишь.

Кажется, то был единственный случай, когда Валентин Петрович открылся мне в своей печали. Он умел держаться на людях и терпеть не мог самовлюбленных истериков, полагающих, что окружающие обязаны выслушивать их причитания. При встрече вечером Валентин Петрович уже не продолжал этого разговора, полностью переключился, шутил, улыбался.

Шутки шутками, каламбуры каламбурами, но память сохранила цельный образ Валентина Катаева, превыше всего ста-

вившего писательский труд и боготворившего слово.

Романист, драматург, фельетонист, рассказчик (не люблю слова «эссеист», оно уж чересчур иностранное!), Катаев, как мне кажется, как был в юности поэтом, так и остался поэтом на всю жизнь, правда, действующим по преимуществу в других жанрах.

Вспомним его кумиров и друзей. Школа Ивана Бунина формировалась в стихах, поэзия во многом определила тональность его прозы. Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Эдуард Багрицкий. Бессспорно, приемы поэзии перекочевали в прозу Катаева, руководили ею, выделяли стиль и язык его произведений как безошибочно узнаваемый катаевский.

К слову он относился с благоговением, и я выделяю среди всего, что помню о нем, те эпизоды, которые относятся к слову, можно сказать, к культу слова.

Ряд послевоенных лет мы жили в одном доме, «писательском», в Лаврушинском переулке, напротив Третьяковской галереи. Кстати, нет на стенах этого дома мемориальной доски, которая бы поведала людям, что здесь жил Валентин Катаев. Может быть, рано об этом говорить, но говорить уже необходимо: история вопроса уходит в прошлое — здесь жили многие знаменитые писатели — Борис Пастернак, Константин Федин, Всеволод Иванов, Владимир Луговской, Агния Барто, Всеволод Вишневский, Федор Панферов, Степан Шипачев, Илья Сельвинский...

Когда умер Всеволод Вишневский, один из обитателей дома обратился в Моссовет с возражением против мемориальной доски — этак весь наш дом облицуют мемориальными досками — как тогда в нем жить? Давно нет этого писателя, сменился почти весь состав жильцов, а Моссовет все еще «коберегает» писательский дом.

Но вернемся к делам земным и житейским. В доме проржавели, испортились водопроводные краны. В ту пору они были дефицитным оборудованием, не купишь, не достанешь, и необходимо было написать в какое-то управление, чтобы разрешили злополучные краны заменить.

Управдом обратился к наиболее известным жильцам за содействием: подпишите ходатайство.

Катаев категорически отказался. Его аргументы были неожиданно масштабными: кран-то мне починят, а что если всемирный потоп, конец света? Погибнет все, и мы, и книги. А через века возродится уже новая цивилизация, и археологи при раскопках обнаружат все, что осталось от писателя Валентина Катаева — заявление о починке водопроводного крана? Нет, уж извольте, не желаю быть автором такой литературы!

Заулыбавшись, так и не подписал.

А вот еще один забавный эпизод, характеризующий отношение Валентина Петровича к слову.

В одно лето, когда мы встретились в том же Коктебеле, в комнатах, заселенных писателями, стали пропадать разные предметы. Поначалу мелкие — вечные ручки, орудия нашего труда, бутылки с вином — спутники нашего отдыха, не крупные денежные купюры. Все это сходило кому-то с рук, слухи возникали и забывались. Но однажды случилось следующее: отдыхавший у писателей на-

родный артист Зубов поднял тревогу — у его дочери похищена драгоценная брошь. Она была приколата к халату, и вот пропала.

Ограбили нашего гостя! Чаша терпения переполнена, надо вызывать уголовный розыск. Решено было написать письмо в Симферополь, но такое, чтобы властям было ясно — пишут писатели. Подготовить проект текста поручили мне и Катаеву. Представьте себе, мой первоначальный вариант был отвергнут Валентином Петровичем. Он два дня не выходил к морю, все сочинял, переделывал, черкал и вновь писал послание в уголовный розыск: понимаете, нельзя, чтоб они подумали, что мы доносчики. И нельзя допустить свойственную Остапу Бендеру тоску по зубовским бриллиантам. И нельзя навести тень на нашу корпорацию.

Мне навсегда запомнился зачин: «Населенный писателями Дом творчества в Коктебеле впервые обеспокоен исчезновением отдельных предметов из комнат отдельных построек...»

Дальше шло ювелирно-красочное описание фамильной броши артиста, приколотой к халату, и вот исчезнувшей.

Из Симферополя прибыла бригада сыщиков. Их начальник долго беседовал с Катаевым на террасе с глазу на глаз как со старейшиной корпорации. После беседы Валентин Петрович разыскал меня на пляже:

— Знаете, что сказал главный детектив? Что письмо в Симферополь написано так, словно его писал сам похититель. Так цветисто пишут только уголовники!

Эта оценка привела Катаева в восторг.

Между прочим, на следующее утро драгоценную брошь нашли дети среди знаменитых коктебельских камешков, с легкой руки Максимилиана Волошина сλυущих полудрагоценными (халцедон, сердолик, а песчаник, если с дырочкой, — талисман «куриный бог»).

Видимо, дочь артиста просто ее уронила.

Уроком ответственного отношения к собственному слову стал для меня и эпизод, имевший место в Баку, где проводились Дни русской литературы. Вся общественная жизнь Азербайджана была наполнена этим событием. Писатели без конца выступали по радио, щедро рассыпали беседы и интервью.

На большой стройке к Катаеву подошел корреспондент заводской многотиражки, очень извиняясь за то, что его газета совсем маленькая и выходит два раза в неделю. Но очень хотелось бы взять интервью. Они отошли в сторону от группы писателей, которую вели по недавно возведенному цеху. Катаев говорил, молодой человек деловито и торопливо записывал, явно стараясь не упустить ни одного слова знаменитого гостя.

Осчастливленный корреспондент, прощаясь, сказал, что все оформит как надо, жаль только, что газета выйдет, когда гости уже вернутся в Москву. Так что, будьте добры, распишитесь, мы будем клишировать автограф.

Катаев очень мягко, но с определенностью, не допускающей возражений, сказал, что должен и может подписать только отпечатанный на машинке текст, точно совпадающий со всем, что он сейчас наговорил. Он пригласил корреспондента утром в гостиницу, а на следующий день даже опоздал на очередное «мероприятие», работал над интервью, взвешивая каждое слово, приговаривая: — Вы ж понимаете, молодой человек, интервью будет опубликовано не где-нибудь, а в вашей многотиражке.

НА СНИМКЕ: В. П. Катаев в Переделкине. 1977 г.

Фото В. Ахловой.